

Мы с Алёшей Слепцовым выписались из госпиталя вместе. Алёшка записал мне свой адрес, придерживая лист бумаги едва зарубцевавшейся культёй левой руки: кисть по запястье ему оторвало в бою за освобождение Киева. Тогда, в 44-м, это не воспринималось бедой. Главное: жив, правая рука цела, а значит, он, природный якутский охотник, может заниматься промыслом.

Крепким было Алёшкино рукопожатие: прощаясь, он признавался:

— Больше всего я боялся, что не увижу мать. И не побываю на могиле отца. У нас погост — на острове, посреди Лены. Восемь поколений предков там. Вечный покой, а будто плывёшь на корабле, воды текут, текут...

В его отдалённый улус моя беспокойная профессия журналиста привела меня только годы спустя.

Когда идёшь к бывшему фронтовику, израненному войной, на сердце тревога: мало ли?..

— Слепцов здесь живёт? — спросил я у старухи, которая стирала бельё во дворе дома.

— Здесь, — разогнула она натруженную спину и плавным движением почему-то указала на окно.

Сквозь стекло, отблёскивающее в летних лучах заполярного солнца, виделось... какое-то тропическое растение.

Я поднялся по невысокому крыльцу, прошёл в сени и постучал в дверь.

— Да, — ответил знакомый, ничуть не изменившийся голос.

Я переступил порог и ясно ощутил встречную волну чудесного аромата. Алёшка поливал из маленькой лейки цветок невиданного в нашей суровой природе яркого окраса. При этом бывший воин был так поглощён своим занятием, что не оглянулся на вошедшего.

— Какая красота! — проговорил в искренних чувствах я.

Только теперь Алёшка обернулся, заулыбался счастливо: то ли от того, что видел старого друга, то ли потому, что я восторгался его цветком.

— Из района приезжают посмотреть! — сказал Алёшка с гордостью. И жестами показал, что пока не может оставить своего дела. — Садись пока, рассказывай. Тут, видишь, есть хитрость: листья-то ворсистые и нельзя, чтобы вода на них попадала...

Мне ещё раз пришлось удивиться: в госпитале огрубелый от войны Слепцов никак не производил впечатление человека, который будет цветочки выращивать!

— Ты за ним ухаживаешь, как за малым ребёнком! — я сделал шаг вперёд, чтобы лучше рассмотреть бутоны цветов.

Алёшка невольно преградил путь могучей правой рукой, будто я посягал на его «дитя». Улыбнулся смущённо:

— Это ребёнок и есть.

Теперь я видел, что пурпурные, с вишнёвым отливом лепестки по краям окаймлены белым. А внутри цветка также белый в крапинку ободок со спелой вишенкой в сердцевине. Причём лепестки похожи на лопасти пропеллеров, которые наслоены во множестве друг на друга. Словно летящие, ввинчивающиеся в пространство бутоны!

— А как называется цветок?

Алёшка просто расплылся в улыбке.

— Аксаана, — произнёс он с такой нежностью, будто речь и в самом деле шла о ребёнке. — А если по-украински, то — Оксана.

— Это ведь женское имя?! Признавайся...

— Я не рассказывал разве, в палате?

— В госпитале ты вообще не открывал рот, когда не ел.

Хозяин, наконец, поставил лейку, вытер руки. В рукопожатии бывших фронтовиков есть нечто большее, чем приветствие друг друга. Память, война, потерянные в боях друзья. Победа.

Мы сидели за столом, чаёвничали. Алёшка вёл рассказ, как фронтовики всегда вспоминают былое: спокойно, будто речь шла не о страшных событиях, а о лучших днях жизни

— Когда в последнем бою осколок снаряда оторвал мою руку — как отсёк, ровно по запястью, — Алёшка посмотрел на культю, будто снова рука была здорова и пальчики шевелились, — я не то, чтобы сознание потерял, а что-то во мне переключилось. Начал, было, копать землю, думаю, сейчас найду свою руку, и быстрее в медсанбат, мне её там пришьют! Копаю правой, а из левой-то кровь хлещет! И тут голова включилась. А у меня был трофейный ИПП: жгут хороший, тугой, бинты. Затянул руку выше раны, сделал перевязку. И скорее в санчасть! Иду, слышу «а-а» — детский плач. Откуда, думаю, здесь ребёнок, передовая же! Бой! Снова — «а-а». В воронке девочка лежит, лет десяти. От боли корчитесь. Ранена в ногу: она косыночкой её повязала тоненькой, а кровь сочится. Веришь, нет, о своей боли забыл. Боль только на сердце, что ребёнку плохо, на войне ребёнок! Косынку её с ноги снял, гляжу, кость не задета — хорошо, но рана глубокая. Забинтовал, спрашиваю, откуда ты здесь? Колонну пленных, оказывается, немцы гнали — не хотели одни тикать, им, видите ли наши люди нужны, дети, чтоб на них работали! А тут как нас опять взрывом накрыло, поднимаемся, все в земле. Давай, говорю, пошли. Она стала подниматься, да и упала:

— Не могу, больно, — плачет.

А глаза, как спелые вишни, смотрят на меня, надеются.

Я встал спиной к ней, на колени:

— Садись на спину, — говорю, — да держись крепче за плечи.

Так и пошли. А сердчишко её аж в спину мне колотится! Страшно, больно, а она ещё обо мне заботится:

— Тебе тяжело?

— Я охотник, — стал ей рассказывать, — знаешь, сколько по тайге с ношей ходить приходится, и ружьё за спиной, и еда. День идёшь, другой...

— А где она, твоя тайга?

- В Якутии.
- Я знаю, мы в школе проходили! Там очень холодно, медведи водятся!
- И соболю, и олень!..
- И Северное сияние?!
- И Сияние, и Полярная ночь...
- Какие у тебя волосы чёрные, — вдруг говорит, — ты их что, покрасил?
- Да нет, — отвечаю, — просто я якут, а у якутов такие волосы.
- У всех?
- Ну, не у всех. Есть и рыжие, как на Украине.
- Ты на кого намекаешь?
- У тебя тёмно-русые.
- С рыжим отливом.
- Это же солнце играет! Самая красота!
- Нет ничего на свете красивее цветов. Ты любишь цветы?

Никогда я о цветах не думал, люблю, нет? Но что-то буркнул в ответ, вроде, угу.

Так мы дошли до медчасти. Тогда только у меня голова пошла кругом... Сил-то нет! А нам уж в разные стороны надо. Мне в госпиталь, а ей к гражданским, там не одну её с поля вытащили... Может, и мать где-то? На прощанье украинская девочка Оксана протянула мне махонький шёлковый узелок, который лежал у неё в котомке. Развязываю, зёрнышки какие-то махонькие, с пылинку. «Это, — говорит, — семена очень красивого цветка. Посади дома, вырастет, и будет напоминать обо мне». Я про этот узелок и забыл. А вернулся, дома стал разбирать вещмешок, и в боковом кармашке — свёрточек шёлковый... Семена! — Алёшка ударил себя по лбу, будто только что нашёл и развязал узелок. — Название цветка запомнил, а вот как сажать, ухаживать — вспомнил слово в слово её наказ: «Земли в горшок положить, разрыхлить, посадить семена, вглубь не топить, по верху. Полить, стеклом накрыть, чтобы влага не испарялась. Подсветку сделай, чтоб и ночью, как при солнышке...». Почему украинской девочке так хотелось, чтобы в Якутии рос любимый её цветок?

Рассказывая, бывший вояка то и дело прикладывал ладонь чуть ниже сердца, усмехнувшись однажды: «Предки, с острова, нет, нет, да и позовут...».

— Глянь, — вновь Алёшка призывал моё внимание к цветку, указывая на сердцевину бутона, — внутри-то вишенки, будто глазки...

— Аксаана, — назвал цветок девичьим именем теперь уже я. — Если по-украински, «Оксана».

С того времени прошло ещё несколько лет. Однажды из отдела писем нашей редакции мне передали письмо с обратным штемпелем «УССР». Письма из Украины были не редкостью: люди, некогда трудившиеся в Якутии, потом вернувшиеся на малую родину, часто писали о том, как они тоскуют по Северу, особой нашей природе, людскому укладу, важной для страны работе... На этот раз было письмо иного содержания:

«Уважаемый редактор! Летом 1944-го года, когда Красная Армия прогнала с Украины фашистских захватчиков, меня, десятилетнюю украинскую девочку, спас от верной гибели солдат из Якутии. Дело было так. Немцы при отступлении забирали с собой местное население, гнали колоннами. Под покровом ночи мне удалось спрятаться в яме, затаиться. А когда колонна отдалась, я побежала в обратную сторону, стараясь держаться поодаль дороги, по которой то и дело проходили немецкие машины. К рассвету вышла в чистое поле. Красивое, с ромашками. Прилегла. Наверное, задремала с усталости. Слышу — гул самолётов. Открываю глаза — «миссершмитты» по небу ползут, как громадные ящурки. Началась бомбёжка! Осколок немецкого снаряда поранил мою ногу. Я скатилась в образовавшуюся воронку, где было безопаснее. Старалась перевязать рану, но ничего не получалось. Я истекала кровью. И вдруг перед моими глазами вырос солдат в красноармейской форме. Скуластый, широколицый, совсем молодой. Своей правой рукой он зажимал левую руку чуть выше запястья, а кисти руки не было. Только торчал забинтованный обрубок. До сих пор не могу понять, как ему, тяжело раненному, удалось поднять меня и пронести на спине несколько километров до санитарной части. Тем более, я точно видела, как его ещё один осколок зацепил. «У тебя кровь из груди», — говорю ему. А он в ответ: «Пустяки. Рикошетом зацепило». Когда мы пришли, забыв о боли, я рыдала от счастья! И у него, помню, в глазу слезинка будто запеклась... Не могу простить себе, что не спросила его адрес, не узнала, как зовут моего спасителя. Знаю только, что по национальности он якут. Охотник. Человек большого сердца.

Очень прошу опубликовать в газете моё письмо. Надеюсь, что он прочтёт его. Или найдутся добрые люди, которые прочтут и передадут ему».

Я ещё не дочитал письмо, а уже стало ясно, о ком идёт речь. Далее шло обращение непосредственно к нему, моему старому другу Алёшке Слепцову.

«Дорогой мой старший брат! — я обращаюсь к Вам так, потому что все годы после нашей встречи мысленно называла Вас братом! Вы меня не только вытащили из-под немецких пуль и бомбёжки, не только спасли мне жизнь, Вы научили меня быть доброй и ценить доброту в других, научили не бояться трудностей, идти к цели, преодолевая боль, раны, как это делали Вы. Низкий Вам земной поклон!

Очень хочется узнать, как вы живёте? Чем занимаетесь? Думаю, Вам тоже интересно узнать обо мне.

Я нашла своих мать и отца. На месте сожжённой фашистами старой хаты мы построили большой дом с верандой и мезонином. Украина очень похорошела! Почерневшую от пожаров войны землю теперь покрыли сады. Моя нога давно зажила: вчера с девушками нашей деревни состязались, кто быстрее пронесёт вёдра на коромысле, не расплескав воды. Я была среди первых — бежала и думала: а если бы на фронте, если бы нужно было принести воду раненым?!

Мои мама и папа много слышали о вас. Они оба передают вам слова благодарности. Мы приглашаем Вас в гости. Приезжайте, посмотрите, как расцвела Украина, которую Вы, брат мой, защищали!

Вы посадили семена цветка, которые я Вам дала?..

Оксана, Ваша младшая сестра.

Наш адрес...».

Текст письма я попросил перепечатать, чтобы отдать в набор для публикации. Оригинал же решил отвезти непосредственно адресату, бывшему солдату Алексею Слепцову: подспела как раз редакционная необходимость побывать в его краях.

Старуха-мать во дворе также согбенно стояла над корытом, будто и не было трёх лет. Распрямилась, заулыбалась, как старому знакомому. И так, сквозь улыбку, проронила слезу.

— На острове... — была она, как изваяние.

«Вечный покой, — вспомнил я слова Алёшки, — а будто плывёшь на корабле, воды текут, текут ...».

— Волки там... На волка пошёл... Как он с ними, однурукий?..

Цветок «Оксана», разросшийся во всё окно, выстрелил счастливым цветом! Я отдал письмо из Украины матери Алёшки. В отдохновении направился дальше по делам и остановился: в окне дома напротив также распускался цветок «Оксана». И ещё в одном окне, в третьем: вишнёвые глаза будто сквозь стекло словно выглядывали кого-то, ждали.

Перевод Владимира КАРПОВА

От редакции: благодарим нашего постоянного автора, известного писателя Владимира Карпова за присланный им перевод на русский язык этого документального рассказа.

